

тором, 27 марта 1825 г. постановил: «каменецкого почтосодержателя за учиненные проезжавшим остановки и за несправность оштрафовать пятьюдесятью рублями, о чем для исполнения ныне же предписано Витебской губернской конторе»¹⁴. Над Дрыкшевым нависла угроза увольнения.

Вся эта судебная тяжба закончилась только 3 апреля 1825 г. А в середине апреля лицейский друг Пушкина после двухнедельного пребывания в гостях у отца в Витебске прибыл к опальному поэту в Михайловское¹⁵. История каменецкого станционного смотрителя, видимо, стала известна Пушкину. Начальные строки повести «Станционный смотритель» (1830) были в какой-то степени откликом на это судебное дело: «Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель».

О безотрадной жизни почтосодержателей Пушкин говорит также в «Записках молодого человека» (1829), в романе «Дубровский» (1832), в письме к жене Наталье Николаевне от 17 сентября 1833 г. Великий писатель-гуманист активно выступает в защиту «сущих мучеников четырнадцатого класса, огражденных своим чином токмо от побоев и то не всегда». Размышляя о трагической судьбе содержателей станций, Пушкин обличает несправедливый общественный строй царской России, в котором о людях судят только по чинам и рангам и где попирается честь и достоинство униженного, бесправного маленького человека.

¹ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 516.

² См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1937. Т. 13. С. 154.

³ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 136.

⁴ См.: Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицей: Материалы для словаря лиценстов 1-го курса 1813—1817 гг. СПб., 1911. Т. 2. С. 284.

⁵ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 226.

⁶ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 14. С. 23, 422.

⁷ См.: Верховский Ю. Барон Дельвиг: Материалы биографические и литературные. Пб., 1922. С. 36.

⁸ ЦГИА БССР. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 740, л. 1—9.

⁹ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 733, л. 1—10 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1430, оп. 1, ед. хр. 1465, л. 3.

¹¹ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 1831, л. 1.

¹² Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 734, л. 1—2.

¹³ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 751, л. 1—8.

¹⁴ Там же. Ф. 1297, оп. 1, ед. хр. 554, л. 1—8 об.

¹⁵ См.: Цявловский М. А. Указ. соч. С. 520.

А. В. ГЕРЦИК

ЖАНР ЗАМЕТКИ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ Д. И. ПИСАРЕВА КАК КРИТИКА

Деятельность критика в журнале «Рассвет» — наименее исследованная область его творчества. По словам А. Н. Голубева, «66 статей и заметок Писарева до сих пор не входят ни в одно собрание его сочинений»¹. Ученый писал об этом в 1965 г., но с тех пор почти ничего не изменилось в отношении «рассветовских» публикаций.

Критическое наследие Д. И. Писарева этого периода отличается противоречивостью и непоследовательностью, оно вобрало в себя некоторые признаки идейной и литературной борьбы 1860-х гг. Его оценка в советском литературоведении тоже неоднозначна. Н. Ф. Бельчиков отмечал, что «в ранних своих статьях и рецензиях, напечатанных в 1859 г. в журнале «Рассвет» (изд. В. Кремпин), талантливый, но еще незрелый 19-летний Д. И. Писарев, не затронутый еще влиянием революционных идей Чернышевского и Добролюбова, высказал давно известные положения теории «искусства для искусства»... Непримиримый враг теории «чистого искусства» в будущем, Писарев был тогда уверен в том, что задачи литературы далеки от обличительных целей»². В работах С. С. Конкина, Н. В. Демидовой³ творчество критика в журнале «Рассвет» также отделяется от его статей более поздней поры; говорится о перевороте, своеобразном «скачке» в развитии мировоззрения Писарева после перехода в «Русское слово». Однако еще Л. А. Плотов

кин показал известную несостоятельность подобных оценок раннего творчества критика: «Несмотря на позднейшую оценку, не лишенную полемической заостренности, статьи Писарева в «Рассвете» представляют несомненный интерес. В формировании его мировоззрения они сыграли известную роль, в них обнаруживаются, правда, в эмбриональном состоянии, отдельные черты писаревских воззрений, позднее получивших полное развитие. Эти статьи тем более интересны, что они совпали с периодом назревания умственного перелома, происходившего в Писареве»⁴.

Действительно, деятельность критика в журнале «Рассвет» нельзя рассматривать в отрыве от остального его творчества. Тем более не следует противопоставлять раннего Писарева зрелому. Его критико-публицистический метод претерпевал эволюцию уже на протяжении «рассветовского» периода творчества, а истоки публицистичности берут начало именно в ранних работах критика. В рамках данной статьи попытаемся доказать эту мысль.

Публикаций, посвященных проблемам искусства и эстетики, у Писарева в ранний период деятельности не так уж много. Посмотрим, как постепенно формируется стиль Писарева-критика на такой жанровой модификации, как заметки. Среди них «Иоанн-Себастьян Бах, Иосиф Гайдн и Георг Фридрих Гендель А. И. Кронеберга»⁵ — заметка биографического характера, в которой кратко описывается жизнь каждого из великих композиторов. К ней в какой-то мере примыкает заметка «Из записок М. С. Щепкина», где критик уже использует отдельные элементы социальной характеристики, которые, правда, несущественны и уступают место непосредственному впечатлению от мемуаров знаменитого артиста: «Каждое слово его записок вылилось прямо из души, он вспоминает каждую мелкую подробность, каждый оттенок испытанных им ощущений; он снова переживает описываемую им пору жизни, и потому в безыскусственном рассказе обаятельно действует на читателя верный анализ душевных движений и соединенная с этим анализом искренняя полнота чувства» (С. 20).

Социальный аспект более значителен в заметке «Леонардо да Винчи», в которой критик, отвлекшись от темы, начинает рассуждать о состоянии современной науки. В рамках малой жанровой формы появляется публицистическое отступление: «...В наше время гениальный человек большею частью развил свои способности предварительным приговлением, общим образованием, берется за одну отрасль науки, делается специалистом; иначе у него не достанет сил удовлетворить вполне требованиям беспристрастной и острой критики» (С. 21).

В заметках же, посвященных знаменитым художникам, — «Несколько слов о покойном академике Федотове» и «Об Иванове и его картине» — заметно нарастает социальное звучание, все яснее слышится собственное «я» критика. Так, рассуждая о творчестве Федотова, он особо выделяет общественную направленность его творчества: «Недостатки и смешные слабости различных слоев нашего общества, прикованные к полотну рукою художника, служат живым укором нашей современности, представляющей столько материала для сатиры» (С. 21). Социальный пафос заметок об искусстве возрос к концу периода сотрудничества Писарева в журнале. Причем общественная направленность его критики тогда еще не вступала в противоречие с системой эстетических оценок произведений искусства.

В значительно большей степени в это время публицистичность проявляется в литературно-педагогических заметках Д. И. Писарева. Причем этот процесс также движется по нарастающей: от начала сотрудничества в журнале к его концу. Усиление публицистической направленности неизбежно приводило к изменению и жанровой формы критических произведений: заметка уступала место рецензии. Следует отметить, что в этот период Писарев написал много заметок и рецензий, посвященных педагогическим проблемам. После 1861 г. он уже не выступал с педагогическими статьями, на что обратили внимание исследователи⁶.

Многие заметки критика полемичны. К таким относятся «Частные женские пансионы» и «Еще о женском труде: по поводу журнальных толков об этом вопросе». В первой из них — полемика с автором статьи, помещенной в № 14 журнала «Атеней» за 1858 г., понадобилась критику для высказывания собственных суждений о воспитании: «Общество, конечно, виновато, но виноваты и учебные заведения: зачем они не внушили воспитанницам уважения к науке, зачем они не приохотили их к серьезным занятиям, к осмысленному и полезному чтению, зачем они заставили их смотреть на науку, как на враждебную материю» (С. 7).

Полемика с А. М. Пальховским во второй заметке позволяет критику высказать свои мысли о необходимости общественного труда для женщин, поскольку он формирует личность человека: «Нет той человеческой природы, которая при правильном развитии не нашла бы себе в образованном обществе занятий, соответствующих ее способностям к призванию; нужно только, чтобы была возбуждена потребность деятельности, чтоб было вложено с детства глубокое убеждение в необходимости труда как священной обязанности человека» (С. 12). Обе названные заметки уже не похожи на рекомендации, литературный спор в них служит лишь поводом для высказывания собственного мнения критика.

У раннего Писарева наряду с расширением сферы социального нельзя не отметить и интереса к эстетическим проблемам. Так, в заметке «Нерешенный спор: Сцена в уездном городке» (С. 33) Писарев говорит о той дидактической цели, которую автор разбираемого произведения выплывает в ущерб художественной стороне. Подобная идея высказана и в заметке «Деспотизм материнской любви». Здесь Писарев также считает неудачной выбранную автором художественную форму: «Нельзя не пожалеть, что вполне верная мысль автора изложена в форме повести, а не в теоретическом рассуждении» (С. 54). Критик косвенно проводит мысль о полезности литературного произведения. В дальнейшем она станет лейтмотивом всех его литературно-критических статей. В названных двух заметках эта мысль еще не декларируется с присущим критику максимализмом; причем в «Деспотизме материнской любви» дана не только прямая критическая оценка повести, характерная для его жанра заметки. Писарев вскрывает композиционную и художественную несостоятельность повести, упрекает автора в отсутствии жизненной и художественной правды, некоторые эпизоды произведения анализируются довольно детально. Именно наличие критического разбора выводит эту жанровую форму за рамки заметки и вплотную подводит ее к рецензии. Происходит значительное усиление публицистической направленности заметки. Так, заметки «Влияние искусства на воспитание» и «Быть и казаться» уже открываются публицистическими отступлениями, в которых подвергнуты критике недостатки системы воспитания, вина за которые возлагается на общество. Сами заметки становятся все более значительными по объему, постепенно трансформируясь в некое подобие рецензий. От рекомендаций читателям Писарев переходит к критике социальной действительности, раздумьям о жизни общества.

В последних педагогических заметках анализу произведений отводится уже незначительное место. Главными становятся общественные проблемы. Материал заметок перестает быть единообразным, они обретают тематическую двуплановость: рассматриваются не столько педагогические произведения, сколько социальная действительность. Происходит трансформация жанровой формы.

Заметки «Мысли по поводу статей о женском воспитании», «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии», «Об истинном наставнике детей», отражая особенности творческой личности критика, содержат множество отступлений и рассуждений публицистического характера, что для малой формы этого жанра не характерно. Обычно в заметке особенности личности критика почти не проявляются, о его симпатиях и антипатиях мы можем судить только по оценке произведения. Однако в более крупной жанровой форме, где встречаются разнообразные публицистические и иные отступления, читатель уже яснее видит приверженность автора различным общественным идеям и теориям.

Итак, если в ранней критике Писарева были представлены в основном заметки информационного характера, то постепенно интерес к материалу привел к тому, что критик не мог ограничиться указанием на произведение и констатацией своего отношения к нему. По степени присутствия публицистичности в литературно-критических заметках раннего Писарева можно предложить следующую градацию их:

Заметка информационная. Она содержит в себе сообщение о выходе в свет литературного произведения. К этому типу заметок можно отнести «Обзор статей, помещенных в «Журнале для воспитания» в 1857, 1858, 1859 гг.», «Письма к русским женщинам», «О развитии правдивости в детях», «Мысли об устройстве женских училищ в губернских городах», «Институты», «Заграничные письма в редакцию журнала для воспитания» и некоторые другие. В названных произведениях наличествуют все типичные признаки жанра: краткость, сообщение-рекомендация в виде авторской оценки и отсутствие литературного анализа,

Заметка с публицистическим подтекстом, в которой социальный пафос выходит за пределы оценки произведения, поднимаются вопросы литературно-общественной жизни. Мы можем говорить о публицистическом элементе в этом жанре. Таковы, например, заметки «О труде наставниц», «Письмо к редактору из Вышнего Волочка», «О воспитании девочек. Сочинение Фенелона». Публицистичность в этих заметках возникает как всплеск гражданских размышлений и чувств поэта; она не является развитием взгляда автора произведения.

Наращение публицистического начала в ранней критике Д. И. Писарева привело к отказу от жанра заметки и переходу к рецензии, которая позволяла полнее и убедительнее высказать собственную точку зрения. Уже в 10, 11 и 12 номерах «Рассвета» за 1859 г. появились значительные рецензии Писарева: «Три смерти», «Дворянское гнездо» и «Обломов».

¹ Голубев А. Н. О малозвестных произведениях раннего Писарева // Филологические науки. 1965. № 2. С. 145.

² Бельчиков А. Н. Д. И. Писарев-критик и его эстетические взгляды // Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. 1941. № 1. С. 22.

³ См.: Конкин С. С. Эстетические и литературно-критические взгляды Писарева. Саранск, 1973; Демидова Н. В. Писарев. М., 1969.

⁴ Плоткин Л. А. Д. И. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. М.; Л., 1945. С. 127.

⁵ Рассвет. 1859. Т. 3. № 7—9. В дальнейшем в тексте статьи указываются страницы этого издания.

⁶ См.: Одинокое В. Г. Эстетические и литературно-критические взгляды Д. И. Писарева: Учебное пособие. Новосибирск, 1961. С. 32—33; Гошевский В. О. Проблема личности в философском наследии Д. И. Писарева. Л., 1987. С. 107; Голубев А. Н. Указ. соч. С. 144.

Н. С. МАЖЭЙКА

НАШ СУЧАСНІК К. Г. ПАЎСТОЎСКИ

У канцы мая спаўняецца 100 гадоў з дня нараджэння Канстанціна Георгіевіча Паўстоўскага, пісьменніка-патрыёта, які горача і аддана любіў сваю Радзіму, яе народ, яе сціпую прыгажосць, які меў поўнае права гаварыць аб тым, што без пачуцця сваёй краіны, «...асаблівай, вельмі дарагой і мілай у кожнай яе дробязі, няма сапраўднага чалавечага характару... і няма больш агіднага, чым раўнадушнасць чалавека да сваёй краіны, яе мінулага, цяперашняга і будучага, да яе мовы, да яе лясоў і палёў, да яе паселішчаў і людзей, няхай яны будуць геніі ці вясковыя шаўцы» (3, 352)¹.

Першыя апавяданні пісьменніка, якія з'явіліся ў кіеўскім літаратурным часопісе «Агні» (1912), былі напісаны ў апошнім класе гімназіі і не занялі значнага месца ў яго творчасці. Праца над першым раманам, які ён пачаў у 1916 г. («Рамантыкі»), была спынена сусветнай вайной — Паўстоўскі апынуўся ў вадавароце буйнейшых гістарычных падзей.

Будучы пісьменнік працуе важатым і кандуктарам на маскоўскім трамваі, потым санітарам на тылавым і палявым санітарных паяздах, праходзіць з санітарным атрадам ад Любліна да Нясвіжа, працуе на металургічным заводзе бранскага таварыства, наварасійскім і таганрогскім заводах, у рыбацкай арцелі на Азоўскім моры...

Лютаўская рэвалюцыя застала Паўстоўскага ў Маскве, дзе ён пачынае працаваць журналістам. «У Маскве я перажыў Кастрычніцкую рэвалюцыю, — напіша ён пазней, — стаў сведкай многіх падзей 1917—1919 гг., некалькі разоў чуў Леніна і жыў напружаным жыццём газетных рэдакцый» (1, 7).

Шматлікія жыццёвыя ўражанні, атрыманыя К. Г. Паўстоўскім у час «далёкіх вандраванняў», вялікі жыццёвы вопыт і сяброўства з маладымі пісьменнікамі таго часу (Ільфама, Бабелем, Вагрыцкім і інш.), у асяроддзі якіх у Адэсе ён правёў каля двух гадоў, а затым дзейнасць журналіста ў Маскве, дзе ў рэдакцыях яму давялося працаваць разам з многімі цікавымі пісьменнікамі (Новікавым-Прыбоем, Катаевым, Алешам, Булгакавым, Пятровым, Шклоўскім і інш.), не прайшлі для Паўстоўскага дарэмна.

Адзін за другім з'яўляюцца яго творы «Бліскучыя воблакі» (1929), «Кара-Бугаз» (1932), «Калхіда» (1934) і г. д.